

СЫНОВНЕЙ КИСТЬЮ

«С мыслью о матерях...» Так называется выставка, открытая в Москве в ДOME дружбы с народами зарубежных стран. На выставке представлены картины советских и зарубежных художников, переданные Советским фондом мира на постоянное хранение библиотеке имени Зои Космодемьянской в городе Армавире на Кубани. Инициатор и собиратель уникальной коллекции, человек, многое сделавший для армавирской библиотеки, — писатель Савва Дангулов.

Наш рассказ — об одном из участников выставки — латышском художнике Улдисе Земзарисе.

* * *

С «еще неизвестным замиранием сердца» в школе Земзарис нарисовал темнокошую одноклассницу — то был первый портрет его работы...

«Липы зацветут сладким цветом, и пчелы ворвутся в город... Я напишу бесчисленное количество картин о тебе, Илзе, о твоём золоте волос, развевающимся на весеннем ветру, об алом луче заката на твоём лице...».

«Ласковыми прикосновениями кисти к холсту» создаёт он образ любимой. Светятся её волосы — драгоценные струйки пойманного света.

А потом появляется в картинах и больше не исчезает образ молодой матери с охраняющими ребёнка руками, с глазами, полными неизменной ласки.

Но более всего близка художнику картина женской работы. Ночь. Измученная мать склонилась над ребёнком. И палитра такая — озабоченная, пестрая, ломкая.

Земзарис любит рисовать жену и детей среди цветов.

И себя на автопортрете Земзарис наряжает в огромный венок — награждает от имени природы, чтобы снять ощущение излишней серьёзности и создалась равная близость с дочкой, которая доверчиво прильнула к своему сосредоточенно-доброму отцу.

В своих автопортретах Земзарис сосредоточен, артистичен, может быть, даже суров, только лихой берет выдает удачу и любовь к остроумию. Иногда похож он на веселого Дон Кихота, волосы выбиваются из-под шлема-шапочки, и, хоть брови нахмурены, в лице сардоническая ирония соединяется с простодушной улыбкой, страданием и верой...

Смотришь на автопортрет и понимаешь, почему художник не любит срезанных, погибших

цветов, вянущих в вазах. Он может выращивать цветы и сажать деревья. Этому его научила бабушка. Бабушка вела его в мир природы, как в родной дом. И Земзарис кажется себе жизнь каждого существа, каждого растения. Смотрит художник на гриб и вдруг себя грибом представит, а то травой или птицей — ему надо понять, как они живут, чем дышат, что чувствуют. Рассказывают, что видели, как он гонялся за майскими жуками, гудя точно так же, как они...

Земзарис запомнил бабушку в саду, у деревьев, среди тюльпанов. Всю жизнь бабушка выращивала деревья и цветы. Она добилась главного: внук запомнил, что красота возникала только после прикосновения бабушкиной руки к земле. Внук запомнил: бабушка создавала прекрасное и необходимое, а потому была добра и спокойна. И понял другое — красота возникала и потому, что бабушка была добра и спокойна.

Однажды попался Земзарису старый морщинистый холст, и он хотел изобразить на нем свою любимую. Но пришел его друг Зигмунд Скуинь, посмотрел и сказал: «Этот холст похож на кожу старика, на нем надо написать пожилого человека». И вспомнилось лицо бабушки. Впервые он, тогда еще молодой художник, нарисовал лицо старой женщины, прекрасно прожившей жизнь. Бабушка стояла среди цветов, среди яркого, интенсивного цвета. А рядом стоял он, Улдис, малыш с широко открытыми в мир доверчиво-любопытствующими глазами.

Когда писал портрет матери, сделал открытие — у нее «было как бы несколько лиц»: вот она собирается на работу в школу, вот наводит порядок в доме, усталая, дремлет, позирует... Ее иссеченное, сморщенное лицо в обрамлении платка светится, и руки светятся...

Портрет старой няни с сыном очень понравился Павлу Корину. Перед нами «момент склонения, сбережения» — няня склоняется к малышу, как садовница к цветку. Длинные высохшие руки старухи поддерживают, оберегают упругое тельце...

— Стареют по-разному, — думает художник, — один постареет и станет злым. Другой постареет и останется добрым.

Ему нравятся люди, и в старости излучающие доброту.

В. ЛИПАТОВ.